

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Департамент публичного права
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль)/специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение
антиобщественных действий в уголовном праве России»

Обучающийся

Т.Т. Диогидзе

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, Л.Н. Кабанова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Актуальность темы выпускной квалификационной работы обусловлена также необходимостью глубокого анализа состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, с учётом изменений общественных отношений, развития правоприменительной практики и тенденций в области уголовного права. Обострение проблем девиантного поведения среди подростков, рост числа преступлений, совершённых несовершеннолетними по инициативе взрослых, а также выявленные пробелы и коллизии в нормативном регулировании свидетельствуют о необходимости теоретического осмысления и практического совершенствования института уголовной ответственности за вовлечение.

Цель исследования – выявление теоретико-правовых основ ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественные действия, анализ соответствующего состава преступления, а также выработка предложений по его совершенствованию в целях повышения эффективности уголовно-правового воздействия и обеспечения надлежащей защиты несовершеннолетних.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть историю развития и современное состояние законодательства, направленного на защиту несовершеннолетних от их вовлечения в совершение антиобщественных действий;
- выделить объект и объективную сторону вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий;
- охарактеризовать субъект и субъективную сторону вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий;
- проанализировать квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий;

- провести отграничение вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий от смежных составов преступлений.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с вовлечением несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий и уголовной ответственностью за данные деяния.

Предметом исследования являются нормы уголовного законодательства, регламентирующие ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ).

Работа состоит из введения, двух глав и пяти параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	5
Глава 1 Уголовно-правовая характеристика вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий	8
1.1 История развития и современное состояние законодательства, направленного на защиту несовершеннолетних от их вовлечения в совершение антиобщественных действий.....	8
1.2 Объект и объективная сторона вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий.....	23
1.3 Субъект и субъективная сторона вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий.....	39
Глава 2 Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий: проблемы квалификации и пути их решения	42
2.1 Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий	42
2.2 Отграничение вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий от смежных составов преступлений	46
Заключение.....	55
Список используемой литературы и используемых источников	58

Введение

Актуальность темы исследования. Современное российское общество сталкивается с множеством проблем, затрагивающих наиболее уязвимую категорию граждан – несовершеннолетних. На фоне социально-экономической нестабильности, распространения криминогенных факторов и разрушения традиционных институтов воспитания возрастают риски вовлечения подростков в противоправную деятельность. Особую тревогу вызывает тот факт, что несовершеннолетние нередко становятся объектами целенаправленного воздействия со стороны взрослых лиц, склоняющих их к участию в антиобщественных действиях, наносящих ущерб как самим несовершеннолетним, так и обществу в целом.

Вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий рассматривается законодателем как общественно опасное деяние, нарушающее основы общественного устройства и наносящее вред процессу социализации подростков. В соответствии со ст. 150 Уголовного кодекса Российской Федерации подлежит уголовной ответственности лицо, совершившее действия, направленные на склонение несовершеннолетнего к участию в совершении преступления, административного правонарушения либо систематическому употреблению алкоголя, одурманивающих веществ и иным формам девиантного поведения. В данном случае законодатель стремится защитить не только правовой порядок, но и личность несовершеннолетнего как субъекта, нуждающегося в особой охране и поддержке со стороны государства.

Особое внимание законодатель уделяет квалифицирующим признакам вовлечения, включая использование обмана, угроз, насилия, а также совершение деяния родителем, педагогом, иным лицом, наделённым обязанностями по воспитанию несовершеннолетнего. Ужесточение санкций в таких случаях соотносится с принципами социальной справедливости и приоритетом охраны детства, закреплённым в ст. 38 Конституции Российской

Федерации и в положениях Федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации».

Актуальность темы выпускной квалификационной работы обусловлена также необходимостью глубокого анализа состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, с учётом изменений общественных отношений, развития правоприменительной практики и тенденций в области уголовного права. Обострение проблем девиантного поведения среди подростков, рост числа преступлений, совершённых несовершеннолетними по инициативе взрослых, а также выявленные пробелы и коллизии в нормативном регулировании свидетельствуют о необходимости теоретического осмысления и практического совершенствования института уголовной ответственности за вовлечение.

Цель исследования – выявление теоретико-правовых основ ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественные действия, анализ соответствующего состава преступления, а также выработка предложений по его совершенствованию в целях повышения эффективности уголовно-правового воздействия и обеспечения надлежащей защиты несовершеннолетних.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть историю развития и современное состояние законодательства, направленного на защиту несовершеннолетних от их вовлечения в совершение антиобщественных действий;
- выделить объект и объективную сторону вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий;
- охарактеризовать субъект и субъективную сторону вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий;
- проанализировать квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий;

- провести отграничение вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий от смежных составов преступлений.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с вовлечением несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий и уголовной ответственностью за данные деяния.

Предметом исследования являются нормы уголовного законодательства, регламентирующие ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ).

В качестве методологической базы настоящей работы были использованы общенаучные и частно-научные методы исследования: диалектический, исторический, логический, системный, сравнительно-правовой, формально-юридический, метод анализа и синтеза, а также метод изучения и обобщения судебной практики. Комплексное применение перечисленных методов позволило провести всестороннее и объективное исследование обозначенных проблем, а также сформулировать аргументированные выводы и рекомендации.

Работа состоит из введения, двух глав и пяти параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Уголовно-правовая характеристика вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий

1.1 История развития и современное состояние законодательства, направленного на защиту несовершеннолетних от их вовлечения в совершение антиобщественных действий

Эволюция нормативно-правовых актов, регламентирующих охрану прав несовершеннолетних от вовлечения в противоправную деятельность, обусловлена пониманием социумом специфической подверженности детей деструктивному воздействию со стороны взрослых, что, в свою очередь, обусловило потребность в формировании специализированной системы защиты указанной категории граждан. Изначально, ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность рассматривалась в рамках общих норм о соучастии в преступлении. Однако, с течением времени, осознание специфики воздействия взрослых на неокрепшую психику ребенка и потенциального вреда, наносимого обществу подобными действиями, привело к выделению составов, предусматривающих ответственность именно за вовлечение несовершеннолетних в преступную или антиобщественную деятельность.

В период существования советского государства указанная проблематика была отражена в уголовном законодательстве, предусматривающем уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений, а также за занятие попрошайничеством, проституцией и иными деяниями, представляющими собой антиобщественные действия. Данные нормы отражали стремление государства оградить детей от негативного влияния асоциальных элементов и обеспечить их нормальное развитие.

В современной России статья 151 Уголовного кодекса Российской Федерации «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение

антиобщественных действий» является ключевым элементом системы защиты несовершеннолетних от негативного влияния взрослых. Данная статья предусматривает уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, в занятие бродяжничеством или попрошайничеством.

Современное состояние законодательства характеризуется рядом особенностей. Во-первых, статья 151 УК РФ акцентирует внимание не только на вовлечении в преступную деятельность, но и на вовлечении в антиобщественные действия, которые, хотя и не являются преступлениями, оказывают негативное влияние на развитие несовершеннолетнего и формирование его личности. Во-вторых, законодательство предусматривает дифференцированный подход к ответственности в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния, а также от роли взрослого в совершении антиобщественных действий несовершеннолетним. В-третьих, важным элементом является профилактическая работа, направленная на выявление и устранение причин и условий, способствующих вовлечению несовершеннолетних в антиобщественные действия.

Вовлечение несовершеннолетних в процесс потребления алкогольных напитков, наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, являясь общественно опасным деянием, представляет собой острую социальную проблему, обусловленную повышенной угрозой для здоровья, жизни и гармоничного развития подрастающего поколения, а также ставит под сомнение перспективы будущего социума. Нормативно-правовая база Российской Федерации уделяет повышенное внимание вопросам пресечения подобных правонарушений, что обусловлено не только этическим аспектом, но и признанием значительного риска для физического и психического здоровья, а также развития личности несовершеннолетних. Данная проблематика рассматривается в Российской Федерации как фактор, представляющий повышенную социальную опасность, что подтверждается

статистическими данными, законодательными инициативами, направленными на установление запретов и ограничений [4, с. 34].

«Вовлечение в противоправную деятельность, связанную с незаконным оборотом веществ, осуществляется посредством различных форм содействия, включая прямую реализацию, подстрекательство и предоставление доступа к указанным веществам. Любое, даже минимальное, участие в подобной деятельности влечет за собой юридическую ответственность. Субъектами ответственности могут выступать как физические, так и юридические лица, что обуславливает необходимость всестороннего контроля, осуществляемого как родителями и законными представителями несовершеннолетних, так и организациями, осуществляющими деятельность в сфере воспитания и досуга подростков. Санкции, применяемые к физическим лицам, включают обязательные работы и наложение административных штрафов, в то время как для юридических лиц предусмотрены более строгие меры воздействия, в частности, аннулирование лицензий, что подтверждается сложившейся судебной практикой» [3, с. 60].

Вовлечение несовершеннолетних в процесс потребления алкогольной и спиртосодержащей продукции, а также психоактивных веществ, обуславливает возникновение обширного спектра социально-негативных последствий, затрагивающих как непосредственно субъектов, так и их ближайшее окружение, включая семьи, образовательные учреждения и социум в целом. Употребление алкоголя и психоактивных веществ в несовершеннолетнем возрасте коррелирует с повышенным риском развития серьезных физиологических и психических расстройств, включая формирование зависимостей, возникновение соматических заболеваний и дисфункции в психоэмоциональной сфере. Данный процесс также может выступать катализатором развития депрессивных состояний, тревожных расстройств и иных психических заболеваний. Несовершеннолетние, вовлеченные в потребление психоактивных веществ, нередко демонстрируют трудности в процессе социализации, что может проявляться в форме

коммуникативных барьеров, агрессивного поведения, снижения учебной успеваемости и деструктивных взаимоотношений со сверстниками и представителями старшего поколения. Потребление психоактивных веществ потенцирует вероятность совершения правонарушений и преступлений в молодежной среде, как под непосредственным воздействием веществ, так и в контексте необходимости изыскания финансовых средств для их приобретения. Юридически значимые деяния, связанные с потреблением алкоголя и наркотических средств, приводят к дезинтеграции семейных отношений, эскалации конфликтности, ухудшению финансового положения семей, что, в свою очередь, способствует формированию порочного круга бедности и зависимости [41, с. 332].

Проблема вовлечения лиц, не достигших совершеннолетия, в немедицинское потребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, равно как и новых потенциально опасных психоактивных веществ и одурманивающих средств, является актуальным социальным вызовом, детерминирующим негативные последствия для здоровья несовершеннолетних и социума в целом. Настоящая работа акцентирует внимание на значимости превентивных и просветительских мероприятий, а также анализирует государственные и общественные меры, направленные на купирование обозначенной проблемы. Реализация комплексного, многоуровневого подхода рассматривается как ключевой фактор в контексте противодействия вовлечению несовершеннолетних в употребление токсических веществ. Значимость своевременного реагирования, привлечения виновных лиц к административной ответственности, в сочетании с формированием безопасной и здоровой среды для молодежи, активным привлечением к альтернативным формам досуга, ориентированным на позитивную социализацию, и воспитанием ответственного отношения к собственному здоровью, выступают фундаментальными элементами в формировании перспектив развития подрастающего поколения.

8 января 2025 г. вступил в законную силу Федеральный закон от

28 декабря 2024 г. № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», согласно которому были внесены изменения в ст. 150 и ст. 151 УК РФ, направленные на дифференциацию уголовной ответственности за предусмотренные ими преступления [38]. «Указанные статьи о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления и вовлечении несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий были дополнены отягчающим признаком совершения преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), отнесенным к квалифицированному составу преступления. Соответственно части вторые этих статей разделены на два пункта, содержащих отдельные составы преступлений. Кроме того, была проведена пенализация наказания за данные преступления путем введения минимального размера наказания в виде лишения свободы на срок от трех лет, максимальный же размер наказания в виде лишения свободы (пять лет) не изменился, как и категория преступления» [14, с. 153].

В результате законодательных изменений, отраженных в ч. 3 ст. 150 и ч. 3 ст. 151 УК РФ, была произведена конкретизация признаков, отягчающих ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность и антиобщественные деяния. «Данные изменения коснулись включения в квалифицирующие признаки совершения деяний в отношении двух и более несовершеннолетних, а также в отношении лица, не достигшего возраста четырнадцати лет. Следствием этой трансформации явилось разделение третьих частей указанных статей на три пункта, каждый из которых определяет разновидность особо квалифицированного состава преступления» [14].

Анализ новаций, имплементированных в санкции статей Уголовного кодекса Российской Федерации, позволяет констатировать тенденцию к усилению репрессивного потенциала уголовной ответственности за деяния, подпадающие под их юрисдикцию. Так, трансформация, затронувшая диспозицию части 3 статьи 150 УК РФ, свидетельствует о поступательном

наращивании пенализации в форме лишения свободы, выражающемся в расширении его пределов: нижняя граница санкции увеличена с двух до четырех лет, в то время как верхний предел повышен с семи до девяти лет лишения свободы, при этом категория преступления осталась неизменной. В дополнение к указанным изменениям, введена факультативная мера уголовно-правового воздействия, предусматривающая лишение права занимать определенные должности или осуществлять конкретную деятельность на срок, не превышающий трех лет, реализация которой относится к сфере дискреционных полномочий судебных органов.

Анализируя изменения, внесенные в уголовное законодательство, необходимо отметить трансформацию санкций, предусмотренных в ряде статей Уголовного кодекса Российской Федерации. Так, в четвертой части статьи 150 УК РФ констатируется увеличение верхнего предела наказания в виде лишения свободы с восьми до десяти лет, при этом категория тяжести совершенного деяния остается без изменений. «Подобные корректировки наблюдаются и в санкции, установленной в третьей части статьи 151 УК РФ: зафиксировано увеличение минимального срока лишения свободы с двух до четырех лет, а максимального – с шести до восьми лет, что, как и в предыдущем случае, не повлекло за собой изменения категории преступления. Кроме того, структура санкции данной нормы дополнена возможностью назначения дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, применение которого относится к дискреционным полномочиям суда» [14].

«Уголовная ответственность за склонение несовершеннолетнего к совершению противоправных деяний сохраняет дифференцированный подход, при котором вовлечение лица, не достигшего совершеннолетия, в преступную деятельность квалифицируется как более тяжкое правонарушение по сравнению с вовлечением в антиобщественное поведение. Данная дифференциация обусловлена повышенной степенью общественной

опасности, присущей преступлениям, в совершение которых вовлекается несовершеннолетний, что находит свое отражение в более строгих санкциях, предусмотренных действующим законодательством» [31].

«В пояснительной записке к проекту Федерального закона № 514-ФЗ, внесенного группой депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 12 июля 2024 г., отмечалось, что этот законопроект направлен на усиление уголовной ответственности лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), поскольку в современных реалиях такие деяния получают все более широкое распространение за счет отсутствия непосредственного контакта жертвы и преступника» [31, с. 106].

«Принимая во внимание мотивировку вменения отягчающих обстоятельств, обусловленных использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», при совершении преступления, а также совершения такового в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, представляется возможным согласиться с данной квалификацией. Однако, аргументация, обосновывающая установление в качестве отягчающего признака совершение преступления в отношении двух или более несовершеннолетних, вызывает значительные сомнения. В соответствии с положениями части 1 статьи 17 Уголовного кодекса Российской Федерации, преступления, предусмотренные пунктом «б» части 3 статьи 150 или пунктом «б» части 3 статьи 151 УК РФ, совершенные одновременно или в различное время, вне зависимости от момента формирования умысла, не образуют совокупности преступлений и подлежат квалификации по пункту «б» части 3 статьи 150 или пункту «б» части 3 статьи 151 УК РФ соответственно, ввиду того, что в указанных пунктах данных статей совершение двух или более преступлений выступает в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание, при условии, что ранее

лицо не было осуждено ни за одно из перечисленных преступлений» [30, с. 330].

В анализируемом фрагменте уголовного законодательства акцентируется внимание на правовой квалификации деяния, направленного против двух и более лиц, не достигших совершеннолетия. Согласно данной норме, указанное деяние подлежит рассмотрению как единичное преступление, а не как совокупность преступных деяний. Следствием подобной квалификации является применение санкций, регламентированных частью 3 статьи 150 или частью 3 статьи 151 Уголовного кодекса Российской Федерации. Данный подход обуславливает ограничение максимального срока лишения свободы, предусмотренного за совершение указанного преступления, до 8 или 9 лет. В то же время, «альтернативная квалификация деяния, предполагающая его рассмотрение как совокупности преступлений, потенциально допускала бы назначение более сурового наказания, вплоть до 25 лет лишения свободы, в соответствии с положениями части 4 статьи 56 и статьи 69 Уголовного кодекса Российской Федерации. Таким образом, имплементацию данной нормы следует интерпретировать как меру, направленную на смягчение уголовно-правовой репрессии, а не на усиление последней, поскольку она ограничивает верхнюю границу возможного наказания за преступные деяния, совершенные в отношении нескольких несовершеннолетних потерпевших» [8].

«Совершение преступлений в отношении двух или более лиц признавалось в советской теории уголовного права разновидностью неоднократности и влекло за собой менее строгое наказание по соображениям гуманизма» [30, с. 331]. Анализ эволюции уголовного законодательства демонстрирует пересмотр концептуального подхода к определению оснований для ужесточения уголовного наказания. «Изначальная практика применения таких критериев, как рецидив, судимость и многократность совершения преступлений, обуславливавшая усиление ответственности, выявила ряд существенных недостатков. Отмечалось, что указанные

юридические категории не только дублировали друг друга в контексте квалификации деяний, но и способствовали необоснованному ужесточению назначаемых наказаний. Следствием этого стало усиление репрессивной составляющей уголовного законодательства, что вступало в противоречие с конституционными принципами справедливости и соразмерности наказания. В результате, многократность совершения преступлений, понимаемая как совершение двух и более деяний, подпадающих под действие одной статьи или части статьи Уголовного кодекса Российской Федерации (ст. 16 УК РФ), была исключена из правовой системы. Одновременно с этим произошли изменения в положениях, регламентирующих совокупность преступлений, которые были сформулированы в современной редакции. Поэтому отягчающий признак совершения преступлений в отношении двух или более лиц встречается только в «старых» составах преступлений, которые не подвергались редакции с момента принятия УК РФ 1996 г., например, п. «б» ч. 2 ст. 335 УК РФ. Так что мнение авторов законопроекта в этой части ошибочно, как и отсылка к п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г. № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации», поскольку в этих статьях нет отягчающего признака совершения преступления в отношении двух или более лиц, а в указанном пункте рассматривается другая ситуация совершения преступления с единым умыслом в отношении двух или более потерпевших, указанных в данных статьях, например, в отношении сотрудника правоохранительного органа и его близких» [35, с. 52].

Апеллирование авторами законопроекта к п. 9 Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», в котором указывается на случаи, когда террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку (либо двум и более лицам) и содеянное в данном случае не требует дополнительной

квалификации по ст. 105 УК РФ, также является некорректным. Эта правовая позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации неоднократно подвергалась справедливой критике, поскольку, во-первых, основана на старой редакции п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ, когда там указывалось только на умышленное причинение смерти человеку, во-вторых причинение смерти двум и более лицам в качестве квалифицирующего обстоятельства ст. 205 УК РФ не предусмотрено, в-третьих, квалификация причинения смерти двум или более лицам по п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ исключает возможность назначения наказания по совокупности преступлений (а с учетом положений ч. 5 ст. 56 УК РФ за совершение преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, максимальный срок лишения свободы по совокупности преступлений составляет тридцать лет, а по совокупности приговоров – тридцать пять лет), тем самым необоснованно смягчается уголовно-правовая репрессия. В соответствии с разъяснениями, сформулированными Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, «при определении юридической квалификации деяний, содержащих в диспозициях уголовно-правовых норм признаки, обуславливающие причинение тяжкого вреда здоровью или смерти потерпевшего, вне зависимости от количества последних, предусматривается единый состав преступления, исключающий квалификацию по совокупности. За рамками рассматриваемого исследования остаются вопросы, касающиеся легитимности и обоснованности данной правовой позиции. Вместе с тем, следует указать на неприемлемость аналогичного применения указанного подхода, поскольку расширительное толкование термина «человек» представляется спорным с позиций уголовно-правовой доктрины» [27].

«При проведении исследования представленного материала следует подчеркнуть методологическую некорректность, допущенную авторами законопроекта при обращении к правовой позиции Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, выраженной в рамках конкретного уголовного производства. Обозначенная некорректность обусловлена специфичностью рассматриваемого прецедента, отличительной

чертой которого является включение двух лиц, не достигших совершеннолетия, в совершение противоправного деяния, объединенного единым преступным умыслом субъекта преступления. Ввиду вышеуказанного, судебная инстанция установила отсутствие в анализируемой ситуации квалифицирующего признака совокупности преступлений, регламентированного статьей 150 Уголовного кодекса Российской Федерации, так как факт вовлечения нескольких несовершеннолетних в преступную деятельность не предполагает квалификацию содеянного по совокупности указанных преступлений, а также не подразумевает назначение наказания по совокупности» [2, с. 33].

Важно отметить, что правовая позиция, выработанная в рамках рассмотрения конкретного уголовного дела, не имеет преюдициального значения и, как следствие, не может рассматриваться как общеобязательное положение или официальное разъяснение норм уголовного права. Дополнительно отмечается, что указанное положение не нашло отражения в последующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [27].

Наконец, полагается некорректным «применение положений о продолжаемом преступлении в контексте рассматриваемого случая, поскольку предметом анализа являются не тождественные преступные действия, а множественность потерпевших» [12, с. 56].

«Во втором чтении проект Федерального закона № 514-ФЗ претерпел изменение посредством включения примечания к статье 238 Уголовного кодекса Российской Федерации, определяющего, что действие данной статьи не распространяется на случаи оказания медицинской помощи медицинскими работниками. Указанная поправка, принятая в составе Федерального закона № 514-ФЗ, не нашла отражения в пояснительной записке к законопроекту, не коррелирует с проблематикой уголовной ответственности

несовершеннолетних и не подвергалась процедуре согласования с Верховным Судом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации. Не оспаривая существа вновь введенного примечания к статье 238 УК РФ, следует констатировать, что практика включения в законопроект положений, изначально не обсуждавшиеся и не инициированных авторами законопроекта, приобретает характер устойчивой тенденции в законотворческой деятельности, что потенциально сопряжено с рисками негативных правовых последствий» [19, с. 326].

«Переходя к анализу судебной практики и судебной статистики применения ст. ст. 150, 151 УК РФ, следует отметить, что за первое полугодие 2024 г. было осуждено 243 человека за совершение преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, в отношении 19 человек были вынесены оправдательные приговоры, в отношении 4 человек дела были прекращены в суде по реабилитирующим основаниям, в отношении 21 человека – по нереабилитирующим основаниям, 4 человекам были назначены принудительные меры медицинского характера, тогда как в 2024 г. зарегистрировано 957 преступлений, предусмотренных ст. 150 УК РФ, выявлено 447 лиц, совершивших это преступление. За первое полугодие 2024 г. было осуждено всего 78 человек за совершение преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ, в отношении 2 человек дела были прекращены в суде по нереабилитирующим основаниям, 1 человеку были назначены принудительные меры медицинского характера, тогда как в 2024 г. зарегистрировано 194 преступления, предусмотренных ст. 151 УК РФ, и выявлено 140 лиц, совершивших это преступление» [32].

В 2023 г. было «осуждено 563 человека за совершение преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ (зарегистрировано 873 преступлений, выявлено 546 лиц, совершивших это преступление), в отношении 41 человека были вынесены оправдательные приговоры, в отношении 25 человек дела были прекращены в суде по реабилитирующим основаниям, в отношении 30 человек дела были прекращены в суде по нереабилитирующим основаниям, в

отношении 5 человек были назначены принудительные меры медицинского характера» [32].

В течение 2023 года судами Российской Федерации было осуществлено рассмотрение дел, связанных с преступлениями, подпадающими под действие статьи 151 Уголовного кодекса Российской Федерации. По результатам рассмотрения данных дел, вынесены обвинительные приговоры в отношении 175 лиц, признанных виновными в совершении указанных преступных деяний. Общее количество зарегистрированных случаев преступлений, предусмотренных данной статьей, составило 245. В ходе расследования установлена причастность 198 лиц к совершению преступлений, квалифицируемых по статье 151 УК РФ. Судебные органы вынесли оправдательные приговоры в отношении 4 лиц. Производство по уголовным делам в отношении 15 лиц было прекращено судом по основаниям, не предполагающим реабилитацию данных лиц. Кроме того, в отношении 5 лиц были применены принудительные меры медицинского характера, в соответствии с положениями действующего законодательства Российской Федерации.

В течение отчетного периода 2022 года, анализ статистических данных по статье 150 Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующей ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность или антиобщественные деяния, выявил следующее. Количество вынесенных обвинительных приговоров в отношении лиц, признанных виновными, составило 648. Общее число зарегистрированных преступлений, подпадающих под квалификацию данной статьи, достигло 1010, при этом количество установленных лиц, совершивших указанные деяния, зафиксировано на уровне 696. «Судебными органами были вынесены оправдательные приговоры в отношении 44 человек. Производства по уголовным делам были прекращены в отношении 35 лиц на основаниях, предусматривающих реабилитацию, в то время как в отношении 47 лиц прекращение дел было обусловлено основаниями, не предполагающими

реабилитацию. В отношении 14 лиц были применены принудительные меры медицинского характера. Рассматривая данные по статье 151 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающей ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в систематическое потребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, а также в занятие бродяжничеством или попрошайничеством, в 2022 году было осуждено 183 лица» [32]. Общее количество зарегистрированных преступлений, подпадающих под действие указанной статьи, составило 227, а количество установленных лиц, совершивших эти преступления, – 223. В отношении 5 лиц вынесены оправдательные приговоры. Производства по уголовным делам в отношении 15 лиц были прекращены в судебном порядке по основаниям, не имеющим реабилитирующего характера. Принудительные меры медицинского характера были назначены 6 лицам.

«В 2021 г. было осуждено 697 человек за совершение преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ (зарегистрировано 1169 преступлений, выявлено 789 лиц, совершивших это преступление), 36 человек были оправданы, в отношении 29 человек дела были прекращены в суде по реабилитирующим основаниям, в отношении 58 человек дела были прекращены в суде по нереабилитирующим основаниям, 4 человекам были назначены принудительные меры медицинского характера. За 2021 г. было осуждено всего 212 человек за совершение преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ (зарегистрировано 298 преступлений, выявлено 242 лица, совершивших это преступление), 4 человека были оправданы, в отношении 2 человек дела были прекращены в суде по реабилитирующим основаниям, в отношении 28 человек дела были прекращены в суде по нереабилитирующим основаниям, 4 человекам были назначены принудительные меры медицинского характера» [32].

«В 2020 г. был осужден 721 человек за совершение преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ (зарегистрировано 1245 преступлений, выявлено 839 лиц, совершивших это преступление), 22 человека было

оправдано, в отношении 37 человек дела были прекращены в суде по реабилитирующим основаниям, в отношении 105 человек дела были прекращены в суде по нереабилитирующим основаниям, 5 человекам были назначены принудительные меры медицинского характера. За 2021 г. было осуждено всего 179 человек за совершение преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ (зарегистрировано 309 преступлений, выявлено 229 лиц, совершивших это преступление), 2 человека были оправданы, в отношении 43 человек дела были прекращены в суде по нереабилитирующим основаниям.

Количество преступлений, предусмотренных ст. ст. 150 и 151 УК РФ, уголовные дела о которых приостановлены в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), составляло соответственно в 2020 г. 9 и 3, в 2021 г. – 16 и 1, в 2022 г. – 14 и 0, в 2023 г. – 45 и 1, в 2024 г. – 128 и 21. Из приведенной статистической отчетности следует, что, несмотря на огромный рост в последние два года количества приостановленных дел по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, преступления, предусмотренные ст. ст. 150, 151 УК РФ, характеризуется низкой латентностью, поскольку количество таких приостановленных уголовных дел исчисляется единицами и десятками, а количество осужденных практически совпадает с количеством выявленных лиц, совершивших это преступление» [32].

Результаты проведенного статистического анализа свидетельствуют о сравнительно высокой частоте вынесения судами оправдательных приговоров и прекращения уголовного преследования по основаниям, связанным с реабилитирующими обстоятельствами. Также фиксируется частое применение принудительных медицинских мер к лицам, совершившим деяния, отнесенные к категории общественно опасных и квалифицируемых по статьям 150 и 151 Уголовного кодекса Российской Федерации, по сравнению с другими составами преступлений. На протяжении последних пяти лет наблюдается устойчивая тенденция к снижению числа зарегистрированных преступлений, подпадающих под положения указанных статей УК РФ. Вместе

с тем, удельный вес деяний, квалифицированных по статьям 150 и 151 УК РФ, в общей структуре зарегистрированных преступлений, а также лиц, признанных виновными в их совершении, остаётся крайне незначительным – менее 1% от общего числа преступлений и осуждённых на территории Российской Федерации за анализируемый временной отрезок.

Обобщая результаты исследования, стоит подчеркнуть, что действующие изменения в уголовном законодательстве, направленные на разграничение уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступную или иную антиобщественную деятельность, не демонстрируют значительного влияния на правоприменительную практику. Статистические показатели, характеризующие динамику судебных решений, не подтверждают эффективность принятых законодательных мер. Более того, при определённых обстоятельствах возможно уменьшение количества осуждённых лиц вследствие отказа от квалификации по совокупности преступлений – если учитываемое деяние будет признано совершённым в отношении нескольких потерпевших, с соответствующим включением обстоятельства, влияющего на меру наказания, в состав преступления. При этом в ходе анализа не было установлено достоверных криминологических оснований или убедительных аргументов, подтверждающих необходимость разграничения уголовной ответственности и усиления санкций за вовлечение несовершеннолетних в противоправные или антисоциальные действия.

1.2 Объект и объективная сторона вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий

Вовлечение несовершеннолетнего является одним из уникальных составов преступлений, закреплённых в Особенной части Уголовного Кодекса (далее – УК РФ). «Действия взрослого и действия самого подростка невозможно приравнять с функциональной действительности единичного

вида соучастия, закрепленного УК РФ, поскольку в данном случае объективная сторона преступления как взрослого-вовлекателя, так и несовершеннолетнего-вовлеченного могут выражаться как в совокупности различных характерных признаков соучастников, так и, в зависимости от совершаемого преступного посягательства, индивидуально варьироваться» [25, с. 55].

В рамках действующего правового регулирования Российской Федерации государство наделяется обязанностью по обеспечению комплексной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, что охватывает охрану от всех форм эксплуатации, насилия и злоупотреблений различного характера. Эта функция реализуется через систему превентивных мер, направленных на недопущение вовлечения детей в противоправные действия, предупреждение потребления веществ, вызывающих состояние алкогольного или наркотического опьянения, а также минимизацию риска бродяжничества и попрошайничества среди несовершеннолетних. Особую значимость в криминологическом и правовом аспектах приобретает факт вовлечения лиц, не достигших совершеннолетия, в преступную активность, поскольку подобные действия не только стимулируют рост уровня криминализации в обществе, но и оказывают разрушительное влияние на психическое и личностное развитие подростков.

Кроме того, такое преступление указывает на наличие у субъекта, вовлекающего несовершеннолетнего, более выраженной степени нравственной деформации, обусловленной, как правило, корыстными или иными личными мотивами. Подобное поведение усугубляется осознанием относительной безнаказанности, связанной с тем, что применяемые к несовершеннолетним санкции в рамках уголовного законодательства отличаются повышенной мягкостью, что делает их удобным инструментом для использования в преступных целях.

Ввиду присущих несовершеннолетним возрастных и психолого-нравственных особенностей, они представляют собой особо уязвимую

категорию лиц, подверженных различным угрозам, включая вовлечение в противоправную деятельность. Ввиду обозначенной специфики уголовное право предусматривает повышенную охрану прав и законных интересов лиц, не достигших совершеннолетия, от противоправных деяний, закрепляя уголовную ответственность за действия, сопряженные с приобщением несовершеннолетнего к совершению преступлений или иных общественно опасных действий.

«Дети до четырнадцати лет в силу возраста более, чем старшие подростки, не способны в полной мере осознавать и оценивать характер совершаемых ими действий и в большей степени поддаются воздействию со стороны взрослых, ввиду чего совершение рассматриваемых преступлений в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, обладает повышенной общественной опасностью. В соответствии со сложившейся правоприменительной практикой как одно преступление (а не как совокупность преступлений) будет рассматриваться совершение противоправных действий в отношении нескольких несовершеннолетних, если такие действия осуществлены одновременно либо с незначительным разрывом во времени и охватывались единым умыслом лица, и при этом ни за одно из данных действий оно ранее не было осуждено» [17, с. 42].

«Посягательства на несовершеннолетних, связанные с их использованием взрослыми лицами в противоправных целях, с вовлечением в преступную деятельность, обладают повышенной общественной опасностью, поскольку причиняют вред общественным отношениям, связанным с должным воспитанием, формированием их личности. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений формирует у них негативные личностные особенности, характеристики и опасные модели поведения, которые обоснованно признаются обществом как крайне нежелательные. В специальных исследованиях отмечается, что механизм подобного вовлечения оказывает существенное влияние на формирование личности, их ценностей и мировоззрения» [1, с. 11].

Данная деятельность, осуществляемая лицами, достигшими совершеннолетия, в отношении несовершеннолетних, проходящих интенсивный этап социализации, способствует увеличению числа лиц, склонных к совершению преступлений с самого начала жизненного пути. С указанным связано определение непосредственного объекта уголовно-правовой охраны ст. 151 УК РФ. При этом совершенно оправданно в указанную норму 28 декабря 2024 года внесено новое отягчающее обстоятельство, связанное с вовлечением в преступление лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста. Очевидно, что при вовлечении лиц этой возрастной группы их личности причиняется более значительный ущерб особому роду, по сравнению с посягательствами, связанными с вовлечением в преступную деятельность лиц, вышедших из подросткового возраста [24].

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 151 УК РФ декларируется вовлечением несовершеннолетнего в антиобщественные действия. В данном случае под вовлечением понимается различный ряд действий, направленных на возникновение желания у несовершеннолетнего лица принять непосредственное участие в данных действиях [24, с. 58].

Выделяются две основные категории вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность, дифференцируемые исходя из специфики действий, предшествующих совершению преступного деяния. Первая категория – неконкретизированное вовлечение, характеризующееся отсутствием четкой целевой направленности и фокусирующееся на формировании у несовершеннолетнего криминализированного мировоззрения, стимулировании интереса к участию в преступных группах и провоцировании совершения антиобщественных поступков в общем. Вторая категория – конкретизированное вовлечение, определяемое склонением несовершеннолетнего к совершению конкретного антиобщественного деяния либо формированием у него намерения совершить таковое самостоятельно, без непосредственного участия взрослого субъекта.

Таким образом, «исходя из совокупности факторов, определяющих

«вовлечение», дефиниция данного понятия будет состоять в следующем: вовлечение – «сложный собирательный юридический термин, включающий в себя понуждение или подстрекательство несовершеннолетних к определенному противоправному поведению, указанному в законе, а также привлечение их к участию в нем совместно со взрослыми или иным подростком» [5, с. 185].

В контексте анализируемого материала принуждение рассматривается как наиболее квалифицированная форма вовлечения несовершеннолетнего в совершение противоправного деяния, поскольку предполагает реализацию умысла субъекта посредством психологического воздействия на лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности. Данное воздействие, как правило, осуществляется с использованием инструментария манипуляции, основанной на страхе, что нивелирует свободу волеизъявления несовершеннолетнего и вынуждает его к участию в преступной деятельности. В контексте рассматриваемой проблематики, принуждение как способ воздействия реализуется через применение как психологического, так и физического насилия. Психологическое принуждение находит выражение в угрозах, запугивании, словесной демонстрации намерения причинить вред жизни и здоровью, а также в форме шантажа. Физическое насилие охватывает широкий спектр противоправных деяний, направленных на причинение вреда здоровью, варьирующегося по степени тяжести от незначительного до серьезного. Угроза, сопряженная с применением указанного способа вовлечения, возрастает вследствие вероятности наступления необратимых последствий для психического здоровья несовершеннолетнего, обусловленных деформацией когнитивных процессов и последующим развитием посттравматического стрессового расстройства.

«Противоположным по характеру воздействия является подстрекательство, поскольку в данном случае используются диаметрально противоположные действия, которые также травмируют психическое сознание несовершеннолетнего, однако в других аспектах. Так, лицо,

достигшее совершеннолетия, действует через положительные эмоции и доверительное отношение. В данном случае используется убеждение, а насилие не присутствует как таковое. Взрослый лишь подталкивает несовершеннолетнего к деструктивному поведению, как правило, сам не принимая в его совершении никакого активного участия наравне с несовершеннолетним» [8, с. 190].

Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ, детерминирована его негативным воздействием на процесс нормативного физического и нравственного формирования личности несовершеннолетнего. Данное деяние провоцирует формирование асоциальных установок, а также закрепление пагубных привычек и суицидальных тенденций. Совокупность указанных факторов, в контексте повышенной эмоциональной неустойчивости и склонности к сокрытию информации, создает предпосылки для совершения несовершеннолетним противоправных деяний, преимущественно корыстной или насильственно-корыстной направленности, различной степени тяжести.

«Особую обеспокоенность вызывает тот факт, что несовершеннолетних младше 14 лет задерживают за совершение побоев и употребление алкоголя, одурманивающих и наркотических средств. Мониторинг происшествий с участием несовершеннолетних лиц не достигших возраста уголовной и административной ответственности показывает, что самыми распространенными административными правонарушениями являются нанесение побоев (ст. 6.1.1. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ), мелкое хищение (ст. 7.27 КоАП РФ), а также распитие спиртных напитков и нахождение в состоянии алкогольного опьянения в общественных местах (ст. ст. 20.20 и 20.21 КоАП РФ). Только за январь-сентябрь 2024 года за употребление несовершеннолетними, не достигшими возраста административной ответственности, алкогольной продукции и наркотических веществ по ст. 20.22 КоАП РФ привлечено свыше 18,3 тыс. (за 2023 год 27,7 тыс.) законных

представителей» [13, с. 56].

Доктринальный анализ демонстрирует преобладание в научной среде консенсуса относительно понимания общественных отношений в качестве базиса непосредственного объекта преступления. Пристальное внимание необходимо уделить дефиниции потерпевшего субъекта. В контексте уголовного права, основываясь на буквальном прочтении соответствующей правовой нормы, потерпевшим признается физическое лицо, не достигшее возраста совершеннолетия, независимо от его биологического пола и наличия у него способности к осознанию противоправности деяний, совершаемых в отношении данного лица. Однако, принимая во внимание существенные различия в когнитивном развитии между лицами младшего и старшего подросткового возраста, возникает необходимость углубленного исследования критериев определения возраста вовлекаемого несовершеннолетнего лица.

«Уголовный кодекс содержит понятие несовершеннолетнего в ч. 1 ст. 87 УК РФ лишь для целей характеристики субъекта, это лица, от 14-ти до 18-ти лет, однако ст. 151 УК РФ не предусматривает минимального возраста вовлекаемого лица. Считаем возможным определять минимальный возраст вовлекаемого лица исходя из общественной опасности вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий и осознания лицом характера совершаемых в отношении него действий» [36].

В контексте исследования вопросов вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность и иные антиобщественные деяния, следует отметить позицию авторов, согласно которой, при отсутствии у вовлекаемого лица способности к осознанию фактической стороны совершаемого деяния, в частности, в отношении малолетних, уголовная ответственность по статьям 150 и 151 Уголовного кодекса Российской Федерации исключается. Разделяя данную точку зрения в определенной степени, полагаем, что степень негативного воздействия алкоголя и психоактивных веществ на организм несовершеннолетнего коррелирует с его возрастом, демонстрируя усиление

вредоносного эффекта по мере снижения возраста. Ввиду этого, фактор осознания совершаемых действий приобретает вторичное значение, что обуславливает нецелесообразность установления конкретного минимального возраста для квалификации вовлечения в вышеуказанные деяния.

«Однако, при вовлечении несовершеннолетнего в иные антиобщественные действия (бродяжничество, попрошайничество) считаем возможным согласиться с позицией авторов, которые полагают, что «в ситуациях, когда лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста, использует при попрошайничестве малолетнего (например, грудного ребенка), основной непосредственный объект не будет поставлен под угрозу» [5, с. 184]. «Действительно, когда попрошайничество или бродяжничество совершается с ребенком первого года жизни у него отсутствует осознание антиобщественного характера совершаемых с ним действий и не страдает нравственное и духовное развитие личности. В этой ситуации умысел взрослого скорее направлен на облегчение попрошайничества вследствие вызова жалости к грудному ребенку или безвыходности ситуации при бродяжничестве. Таким образом, не следует признавать потерпевшим при бродяжничестве или попрошайничестве ребенка первого года жизни» [5, с. 185].

«Кроме того, при рассмотрении особенностей потерпевшего лица логично возникает вопрос к законодателю: повышается ли степень общественной опасности противоправных действий при вовлечении субъектом не одного, а нескольких (двух и более) несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий, указанных в ст. 151 УК РФ? На наш взгляд, ответ утвердительный, и такой квалифицирующий признак должен быть указан, например, в ч. 3 ст. 151 УК РФ» [26, с. 236].

«Вовлечение в совершение антиобщественных действий не одного, а нескольких несовершеннолетних по смыслу закона не образует совокупности преступлений, предусмотренных ст. 151 УК РФ» [6, с. 140].

«Объективная сторона ст. 151 УК РФ заключается в выполнении именно

активных действий, направленных на возникновение потребности и желания у потерпевшего участвовать в антиобщественных действиях, указанных в ст. 151 УК РФ. Мы согласны с точкой зрения Кадникова Н.Г.: «Под вовлечением понимается спектр разнообразных действий, побуждающих несовершеннолетнего участвовать в антиобщественных действиях» [7, с. 50].

Анализ уголовно-правовой значимости пассивного поведения совершеннолетнего лица, в частности родителя, выражающегося в бездействии либо конклюдентном согласии относительно систематического употребления несовершеннолетним алкогольной продукции, включая пиво, свидетельствует об отсутствии в диспозиции статьи 151 Уголовного кодекса Российской Федерации признаков состава преступления, непосредственно инкриминируемых указанному лицу. Однако, при установлении причинно-следственной связи между подобным бездействием и наступлением общественно опасных последствий в виде реального вреда жизни или здоровью несовершеннолетнего, либо возникновения непосредственной угрозы причинения такого вреда, действия субъекта подлежат квалификации в соответствии с нормами, содержащимися в главах 16 или 20 Уголовного кодекса Российской Федерации, при этом выбор конкретной статьи обусловлен степенью общественной опасности содеянного и характером наступивших последствий.

«Согласно положению в абзацах 3-4 пункта 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 11.02.2011 г. «Действия взрослого лица могут выражаться как в форме обмана, обещаний, угроз так и в форме предложения совершить антиобщественные действия, разжигание чувства зависти мести или иных действий. Преступление окончено после совершения несовершеннолетним одного из антиобщественных действий, указанных в ст. 151 УК РФ» [27]. Принимая во внимание практическую плоскость применения вышеупомянутой нормы права, следует констатировать наличие неразрешенных аспектов, требующих доктринального осмысления и унификации правоприменительной практики.

В частности, остается открытым вопрос о критериях, определяющих систематичность совершения деяний, образующих объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ. В контексте юридической оценки деяний, связанных с вовлечением несовершеннолетних лиц в асоциальное поведение, возникает вопрос о необходимости формализации системы действий при совершении взрослым субъектом вовлечения ребенка в бродяжничество или попрошайничество. Дополнительно, вызывает дискуссию возможность квалификации действий, направленных на вовлечение несовершеннолетнего в иные формы антиобщественной деятельности, в частности, участие в азартных играх, в соответствии со ст. 151 УК РФ. Необходимо отметить потенциальную общественную опасность указанных деяний и сопоставимость их негативных последствий с теми, что характерны для бродяжничества и попрошайничества. Означенные обстоятельства обуславливают потребность в углубленной теоретической проработке и последующей законодательной конкретизации диспозиции ст. 151 УК РФ для достижения единообразного правоприменения данной нормы. Для разрешения первого из поставленных вопросов уместно обратиться к дефинициям слова «систематический», представленным в толковых словарях, где данный термин интерпретируется как «имеющий определенную систему», «постоянно повторяющийся» или «непрекращающийся».

В рамках правового анализа деяний, квалифицируемых как преступления против семьи и несовершеннолетних, следует констатировать отсутствие легального определения понятия «систематичность» в соответствующем законодательстве. Вместе с тем, представляется возможным установить позицию законодателя относительно данного квалифицирующего признака, обратившись к примечанию к статье 232 Уголовного кодекса Российской Федерации. Анализ указанного примечания, раскрывающего содержание термина «систематическое предоставление помещений», позволяет сделать вывод о том, что законодатель подразумевает под

систематичностью совершение определенного деяния более двух раз. «Следовательно, экстраполируя данный подход на категорию вовлечения в совершение иных противоправных действий, можно предположить, что систематическое вовлечение в контексте преступлений против семьи и несовершеннолетних, по всей видимости, предполагает совершение соответствующих действий три и более раз» [10, с. 15].

С точки зрения уголовно-правовой теории, термин «систематичность» на протяжении длительного времени не получил устоявшегося, общепринятого толкования. Так, ряд исследователей указывает, что данный критерий выражается в неоднократном совершении однородных преступных деяний [15, с. 89]. Хотя подобная позиция заслуживает уважения, обоснованной представляется точка зрения правоведов, трактующих систематичность как неоднократное склонение несовершеннолетнего к противоправному поведению, осуществляемое не менее трёх раз в течение ограниченного промежутка времени, например, еженедельно либо ежемесячно [6, с. 140]. При этом разовое воздействие взрослого лица на подростка квалифицируется не как уголовно наказуемое деяние, а как административное правонарушение в соответствии со статьёй 6.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [11].

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что установление признака систематичности в поведении совершеннолетнего лица, вовлекающего несовершеннолетнего в антисоциальные формы активности, основывается на факте совершения аналогичных действий не менее трёх раз в пределах одного календарного года. При юридической квалификации деяний, направленных на формирование асоциальных установок у подростка, первостепенное значение приобретает не только число эпизодов совместного употребления алкогольных напитков, но и характеристика мотивов поведения взрослого субъекта. Ключевым элементом анализа должен выступать осознанный умысел, ориентированный на развитие у несовершеннолетнего устойчивых девиантных моделей поведения, способных оказывать пагубное

воздействие на физическое состояние и психоэмоциональную сферу подростка.

В контексте ответа на поставленный ранее вопрос следует констатировать, что действующая нормативно-правовая база Российской Федерации не содержит дефиниций таких явлений, как «бродяжничество» и «попрошайничество», что, в свою очередь, обуславливает отсутствие их юридически корректных определений в рамках действующего законодательства.

Систематичность как признак необходим лишь относительно вовлечения в распитие алкоголя и употребление одурманивающих веществ, а при квалификации вовлечения несовершеннолетнего в бродяжничество или попрошайничество она не нужна [9].

«Анализируя указанное, мы согласны с мнением У.З. Хакимова, что применительно к ст. 151 УК РФ можно использовать систематичность, но не относительно бродяжничества или попрошайничества (так как она изначально заложена в эти понятия), а в отношении действий, которые образуют вовлечение в бродяжничество и (или) попрошайничество» [40, с. 655]. Указанный довод подтверждается следующим примером из судебной практики.

«Подсудимая К.Д.М., являясь родителем несовершеннолетней дочери А.З.К.А., в соответствии со ст. 63 Семейного кодекса Российской Федерации ответственная за воспитание и развитие своих детей, получение детьми общего образования, обязана заботиться о здоровье, физическом, психическом и нравственном развитии своих детей, путем создания у дочери ложных представлений о безвыходном материальном положении семьи, осознавая противоправный характер своих действий и желая этого, вовлекла ее в совершение антиобщественных действий – занятие попрошайничеством в общественных местах Республики Ингушетия. При этом вовлечение не связано с тяжелыми жизненными обстоятельствами, вызванными утратой источника средств к существованию или отсутствием места жительства» [29].

С учётом необходимости повышения эффективности реализации уголовно-правовых норм, представляется целесообразным нормативное закрепление уточнённого определения термина «систематичность». Предложенная мера могла бы быть реализована посредством дополнения статьи 151 Уголовного кодекса Российской Федерации примечанием, раскрывающим содержание данного понятия в чётко определённой форме. При анализе второго смыслового аспекта обозначенной проблемы следует указать на правовую коллизию, связанную с невозможностью квалифицировать вовлечение несовершеннолетнего в формы антиобщественного поведения, не указанные напрямую в диспозиции статьи 151 УК РФ. Такая ситуация объясняется тем, что законодатель ограничил перечень противоправных действий, отнеся его к закрытому и не допускающему расширительного толкования.

Описанный подход, на наш взгляд, снижает потенциал уголовно-правовой защиты несовершеннолетних и сдерживает развитие эффективной правоприменительной практики в этой сфере. Особенно актуальной представляется проблема роста числа форм девиантного поведения, не охваченных действующим составом, но обладающих высокой степенью общественной опасности. К таковым относятся проявления поведенческой аддикции, включая игровую зависимость, участие в азартных играх, чрезмерное увлечение компьютерными развлечениями и формирование интернет-зависимости. Указанные явления требуют расширения предмета правового регулирования и адаптации уголовного законодательства к новым формам угроз, направленных на деструктивное влияние на психосоциальное развитие несовершеннолетних. В сложившихся условиях задача законодателя и правоприменительных органов заключается в своевременном реагировании на трансформации девиантной среды подростков.

Следствием вышеуказанных негативных изменений является возрастание риска совершения асоциальных деяний, включая уголовно наказуемые преступления, а также возрастание вероятности суицидальных

попыток. Существенно, что процесс участия в азартных играх нередко сопряжен с употреблением алкогольных напитков, продукции, содержащей этиловый спирт, и иных психоактивных веществ, оборот которых ограничен или запрещен. Более того, несовершеннолетние, подверженные игровой зависимости, перманентно испытывают потребность в денежных средствах, при этом зачастую прибегая к получению незаконного дохода. Сохраняющаяся актуальность проблематики криминализации действий, сопряженных с вовлечением лиц, не достигших совершеннолетия, в участие в азартных играх, представляет собой не новое в контексте отечественного правового регулирования. Необходимо констатировать, что в Уголовном кодексе РСФСР, принятом в 1960 году, статья 210 предусматривала наступление уголовной ответственности за деяния, включающие в себя склонение несовершеннолетних к участию в азартных играх, наряду с вовлечением в совершение преступлений, злоупотребление спиртными напитками, а также побуждение к занятию бродяжничеством и оказанию сексуальных услуг за вознаграждение.

Поэтому представляется правильным и соответствующим современным реалиям расширение существующего перечня антиобщественных действий, указанных в ст. 151 УК РФ.

Как указывалось ранее, данный вид преступлений уникален в своих специфических особенностях, так, несмотря на сходство с закрепленным ст. 33 УК РФ видом соучастия – подстрекательством. Подстрекательство в данном случае имеет существенные различия в силу момента образования состава преступления. «Так, согласно общей теории уголовного права, подстрекательские действия образуют состав преступления только в случае согласия подстрекаемого на совершение преступного деяния и при совершении им действий, свидетельствующих о начале преступной деятельности исполнителя. В случае вовлечения несовершеннолетнего подстрекательские действия вне зависимости от их последствия, изначально образуют состав оконченного преступления. В данном случае имеет место

быть противодействие и предупреждение преступности несовершеннолетних» [36, с. 269].

«Важное значение для понимания существа вовлечения несовершеннолетнего как в теории, так и на практике, представляет собой точное определение функциональной роли вовлекателя и вовлекаемого. В некоторых случаях речь идет о вовлечении с точки зрения организации посягательства на общественные отношения, охраняемые уголовным законом, а вовлечение в данном случае является в виде исключительно организаторской деятельности, которая и признается самостоятельным преступлением. В другом случае происходит отождествление вовлечения и подстрекательства, поскольку даже на практике отсутствует единогласное понимание функциональной роли совершеннолетнего, что зависит не только от конкретики определенного уголовного дела, но и разрозненности мнений относительно данного явления, поэтому «вовлекатели» именуются на практике различными собирательными образами: организаторы, подстрекатели, руководители, инициаторы» [39, с. 469].

Наблюдается коллизия, обусловленная совершением преступного деяния группой лиц, включающей несовершеннолетних. Следует отметить единодушное согласие в научной литературе и правоприменительной практике относительно приоритетной направленности следственных мероприятий: в условиях участия несовершеннолетних ключевым представляется установление личности подстрекателя, предположительно находящегося вне непосредственного состава исполнителей. В случае, если идентификация подстрекателя оказывается невозможной, дальнейшие следственные действия должны быть сосредоточены на выявлении организатора преступления.

В соответствии с диспозицией ч. 1 ст. 150 Уголовного кодекса Российской Федерации, способы вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления не ограничиваются приведенным в указанной норме перечнем, но включают в себя ряд деяний, обладающих

специфическими признаками [37].

Обещание, как способ вовлечения, представляет собой принятие совершеннолетним лицом обязательств по обеспечению несовершеннолетнего благами различного характера. Спектр данных благ варьируется в зависимости от индивидуальных особенностей несовершеннолетнего и контекста взаимодействия между совершеннолетним и несовершеннолетним. К таковым благам могут относиться: предоставление покровительства, включение в состав преступной организации (в форме «обряда инициации»), передача имущественных ценностей, предоставление трудоустройства или обеспечение доступа в определенные места, имеющие значимость для несовершеннолетнего, включая заведения с сомнительной репутацией, образовательные учреждения, а также объекты, обладающие признаками элитарности. Обещанием также квалифицируется предоставление гарантий безнаказанности за совершение несовершеннолетним противоправного деяния.

Обман представляет собой альтернативную форму обязательства, при которой совершеннолетний предоставляет несовершеннолетнему заведомо недостоверную информацию. Содержание обмана может быть разнообразным и касаться различных аспектов, в том числе: правовых последствий совершения деяния (например, утверждение об отсутствии юридической ответственности для несовершеннолетнего), отсутствия признаков уголовно наказуемого деяния в планируемом преступлении. Ложные сведения могут также касаться личности несовершеннолетнего, преследуя цель манипулирования им посредством негативных высказываний, лести или необоснованных похвал.

В контексте дефиниции способов вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность, одним из распространенных механизмов является использование угрозы, представляющей собой предостережение о наступлении неблагоприятных последствий для несовершеннолетнего или его окружения в случае несоблюдения требований, связанных с совершением

преступления или оказанием сопротивления. Данные последствия могут включать в себя снижение социального статуса, материальные лишения, а также угрозы физической расправы или причинения вреда здоровью. В дополнение к вышеуказанному, значительное место в практике вовлечения занимают иные методы, условно относимые к категории "иных способов", предполагающие проведение целенаправленных вербальных контактов, направленных на активацию определенных эмоциональных реакций у несовершеннолетнего, а также формирование у него деструктивных ценностных ориентаций, противоречащих принципам права, общепринятым моральным нормам и общественному порядку. К данным методам следует отнести также вовлечение в потребление алкогольных напитков, наркотических веществ, а также интеграцию в социокультурную среду, для которой характерно маргинальное или нигилистическое отношение к правовым нормам. Наряду с этим, широко распространены случаи использования методов убеждения, включающих в себя предоставление гарантий о предполагаемых выгодах от совершаемых деяний и материальное стимулирование.

1.3 Субъект и субъективная сторона вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий

Лицо, достигшее совершеннолетия, проявляя малодушие использует несовершеннолетнего в корыстных целях, уповая на полное избегание уголовной ответственности, в силу несовершеннолетия исполнителя преступления, умышленно совершает преступление, что является показателем повышенной общественной опасности.

«Субъект преступления – только физическое вменяемое лицо, достигшее 18-летнего возраста. Однако в теории уголовного права высказываются мнения о том, что не всегда целесообразно привлечение лица, достигшего 18-летнего возраста, к ответственности по ст. 150 и ст. 151 УК РФ,

при условии, что вовлекающий старше вовлеченного им несовершеннолетнего всего на несколько месяцев. Кроме того, рассматриваются другие спорные моменты, высказываемые различными авторами, например, в части снижения возраста уголовной ответственности субъекта по ст. 150 и 151 УК РФ до 14 лет. Приводится аргументация нецелесообразности данных изменений в уголовном законодательстве России» [36, с. 265].

«Субъективная сторона преступления, предусмотренного статьей 151.2 УК РФ, характеризуется прямым умыслом. Это означает, что лицо, совершающее данное преступление, осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий и желает наступления этих последствий» [30, с. 331].

Субъективная сторона преступления – прямой умысел: лицо сознает, что вовлекает несовершеннолетнего в систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, занятие проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством, и желает этого. Предусмотренные ст. 151 УК преступления чаще всего совершаются по корыстным мотивам, однако мотивы и цели не являются признаками состава преступления, а учитываются при назначении наказания. В отношении возраста подростка достаточно, чтобы виновный сознавал, что вовлекаемый является несовершеннолетним.

Доказывание прямого умысла предполагает установление осознания субъектом противоправности своих действий, предвидение последствий и желания их наступления. Это может быть установлено на основании анализа конкретных обстоятельств дела, в том числе: характера действий субъекта, его взаимоотношений с несовершеннолетним, содержания бесед и переписки, показаний свидетелей и самого несовершеннолетнего.

Верховный Суд отмечает, что к уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или

совершение антиобщественных действий могут быть привлечены лица, достигшие восемнадцатилетнего возраста и совершившие преступление умышленно. Судам необходимо устанавливать, осознавал ли взрослый, что своими действиями вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий. Если взрослый не осознавал этого, то он не может привлекаться к ответственности по ст. 150 и ст. 151 УК РФ.

Таким образом, в результате исследования в первой главе мы выявили, что наблюдается коллизия при применении уголовно-правовой нормы, обусловленная совершением преступного деяния группой лиц, включающей несовершеннолетних. Следует отметить единодушное согласие в научной литературе и правоприменительной практике относительно приоритетной направленности следственных мероприятий: в условиях участия несовершеннолетних ключевым представляется установление личности подстрекателя, предположительно находящегося вне непосредственного состава исполнителей. В случае, если идентификация подстрекателя оказывается невозможной, дальнейшие следственные действия должны быть сосредоточены на выявлении организатора преступления.

Глава 2 Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий: проблемы квалификации и пути их решения

2.1 Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий

Подросток, характеризующийся незрелостью личности и недостаточным уровнем критического мышления, представляет собой категорию лиц, демонстрирующих повышенную уязвимость к деструктивному воздействию со стороны взрослых субъектов. Данное обстоятельство обусловлено, в частности, восприимчивостью несовершеннолетних к манипулятивному влиянию, осуществляемому посредством применения разнообразных мотивационных методик. Такие методики могут быть направлены на изменение системы ценностей и мировоззренческих установок подростка с целью вовлечения его в противоправную деятельность. В данной связи особое значение приобретает правовая оценка подобных действий, квалифицируемых как деяния, представляющие повышенную общественную опасность в силу потенциальных негативных последствий для личности несовершеннолетнего и общества в целом.

Квалифицирующие признаки, предусмотренные частью второй статьи 151 Уголовного кодекса Российской Федерации, усиливают уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий в силу повышенной общественной опасности деяния.

Пункт «а» части второй статьи 151 УК РФ: «Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное: а) родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по

воспитанию несовершеннолетнего». Данный квалифицирующий признак устанавливает специальный субъект преступления. Родитель, в силу естественного родства и закрепленных в Семейном кодексе РФ обязанностей, обладает особым авторитетом и влиянием на несовершеннолетнего. Педагогический работник, осуществляющий образовательную деятельность, также имеет значительное влияние на формирование личности несовершеннолетнего и призван способствовать его нравственному развитию. «Иное лицо, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего» – это категория, охватывающая широкий круг лиц, к которым относятся опекуны, попечители, приемные родители, а также сотрудники учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, если на них возложены соответствующие обязанности. Совершение преступления указанными лицами свидетельствует о злоупотреблении доверием и возложенными на них обязанностями, что значительно повышает степень общественной опасности деяния, поскольку подрывает основы нравственного воспитания и защиты прав несовершеннолетних [20, с. 346].

Пункт «б» части второй статьи 151 УК РФ: «Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное: с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)).». Использование указанных сетей значительно расширяет аудиторию, потенциально подверженную негативному воздействию, и позволяет осуществлять вовлечение несовершеннолетних в антиобщественные действия анонимно и дистанционно. Массовость распространения информации, сложность контроля за ее содержанием и возможность вовлечения неограниченного числа несовершеннолетних посредством информационно-телекоммуникационных сетей обуславливают повышенную опасность деяния и необходимость усиления уголовной ответственности за его совершение. Использование сети «Интернет» для вовлечения в антиобщественные действия может принимать различные формы, включая распространение

информации, пропагандирующей употребление алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ, табачных изделий, участие в азартных играх, бродяжничество или попрошайничество.

Анализ особо квалифицирующих признаков преступления, предусмотренного статьей 151 Уголовного кодекса Российской Федерации (вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий), в рамках части 3 данной статьи, требует рассмотрения следующих квалифицирующих обстоятельств:

- с применением насилия или с угрозой его применения.

Существенное увеличение общественной опасности анализируемого деяния обусловлено рассматриваемым признаком, что детерминировано усилением психологического давления и физического воздействия, оказываемого на лицо, не достигшее совершеннолетия. Физическое воздействие, понимаемое как применение насилия, подразумевающее причинение вреда здоровью либо ограничение свободы несовершеннолетнего, выступает демонстрацией игнорирования его благополучия и уязвимого социального статуса. Угроза применения насилия, в свою очередь, создает у несовершеннолетнего страх, который может принудить его к совершению антиобщественных действий, что, в свою очередь, негативно сказывается на его психике и социализации. Данное квалифицирующее обстоятельство учитывает повышенную степень виновности субъекта преступления, который использует силу или угрозу ее применения для достижения своих целей, и, соответственно, влечет более строгое наказание. Данный квалифицирующий признак коррелирует с общим принципом уголовного права о защите личности и свободы человека, в особенности, несовершеннолетних, которые в силу возраста обладают меньшей способностью к сопротивлению и защите своих прав;

- в отношении двух или более несовершеннолетних. Этот признак подразумевает совершение вовлечения сразу нескольких несовершеннолетних в антиобщественные действия. Увеличение числа потерпевших свидетельствует о возрастании общественной опасности деяния, так как преступное поведение затрагивает интересы большего количества лиц, увеличивая масштаб причиненного вреда и риск распространения негативного влияния. Множественность потерпевших повышает вероятность деформации личности и социального поведения несовершеннолетних, подвергнутых негативному воздействию. Данный квалифицирующий признак отражает стремление законодателя обеспечить более эффективную защиту несовершеннолетних от преступных посягательств, учитывая, что вовлечение нескольких лиц может свидетельствовать о целенаправленной деятельности преступника и его большей общественной опасности;
- в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста. Данный особо квалифицирующий признак связан с особой уязвимостью малолетних, то есть лиц, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность по ряду преступлений. Дети в возрасте до 14 лет обладают меньшей критичностью мышления, повышенной внушаемостью и зависимостью от взрослых, что делает их более легкой мишенью для вовлечения в антиобщественные действия. Вовлечение лица, не достигшего возраста, с которого наступает уголовная ответственность, в совершение антиобщественных деяний, оказывает деструктивное воздействие на его психику и становление личности, обусловленное нахождением данного лица в критическом периоде формирования. Указанный квалифицирующий признак отражает императив защиты интересов несовершеннолетних, не достигших возраста, позволяющего им в полной мере осознавать

характер и общественную опасность совершаемых ими деяний, а также противостоять негативному влиянию. Данный признак коррелирует с принципом обеспечения приоритетной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, нашедшим отражение в международных правовых актах и законодательстве Российской Федерации.

2.2 Отграничение вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий от смежных составов преступлений

Нормы уголовного права Российской Федерации, регламентирующие ответственность за склонение лица, не достигшего совершеннолетия, к совершению деяний, содержащих признаки состава преступления, антиобщественных действий, а равно действий, сопряженных с риском для его жизни и здоровья (далее – инкриминируемое вовлечение), квалифицируемые в рамках главы 20 Уголовного кодекса Российской Федерации (преступления, посягающие на семейно-детскую сферу), акцентируют повышенную степень социальной опасности указанных противоправных посягательств. «Эффективная борьба с данными преступными проявлениями невозможна без глубокого понимания механизмов и способов вовлечения, учитывая их постоянное совершенствование, в том числе с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий и новых психологических приемов воздействия, что является задачей криминалистической науки, играющей ключевую роль в успешном выявлении, расследовании и предотвращении преступлений данной категории» [42, с. 32].

«С учетом определенной схожести законодательной конструкции объективной стороны составов преступлений, предусмотренных статьями 150, 151 и 151.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, выраженной в умышленных активных действиях преступника, направленных на вовлечение

(склонение) несовершеннолетнего в противоправную деятельность, путем одного или нескольких способов, указанных в диспозициях рассматриваемых норм, мы уделим внимание в данной работе научному и практическому толкованию «иных способов» вовлечения несовершеннолетних в их совершение, а также вопросу о необходимости установления закрытого перечня таких способов и их значению для органов предварительного расследования и суда в процессе установления вины вовлечателя» [23, с. 70].

Под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий согласно разъяснению вышеупомянутого ППВС от 01.02.2011 № 1 следует понимать «действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия». Несмотря на то, что перечень возможных способов вовлечения приведен в диспозициях рассматриваемых норм УК РФ и в указанном выше ППВС (обещание, обман, угроза, предложение совершить преступление или антиобщественные действия, разжигание чувства зависти или мести), он все же остается открытым.

Термин «склонение», используемый законодателем в конструкции состава статьи 151.2 УК РФ, не получил прямого толкования в обозначенном ППВС от 01.02.2011 № 1, но достаточно широко используется в иных нормах УК РФ (например статьях 110, 184, 230 УК РФ и др.), а разъяснение его значения содержится в ППВС от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами». В соответствии с этим постановлением склонение к потреблению наркотических средств может выражаться в любых умышленных действиях, в том числе однократных, направленных на возбуждение у другого лица желания употребить наркотические средства. Эти действия могут включать в себя уговоры, предложения, советы, обман, психическое или физическое насилие, ограничение свободы и другие формы принуждения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов [34, с. 55].

В рамках проводимого исследования, без углубления в этимологический и семантический анализ терминов «вовлечение» и «склонение», с учётом их толкования, сформулированного в практике Верховного Суда Российской Федерации применительно к уголовной ответственности за действия, предусмотренные соответствующими положениями Уголовного кодекса Российской Федерации, обоснованным представляется сосредоточить внимание на научной дискуссии, развернувшейся в правовой доктрине. Обсуждение касается рациональности закрепления закрытого перечня способов вовлечения несовершеннолетних в противоправные формы поведения и необходимости законодательной конкретизации соответствующих механизмов воздействия.

В академической среде наблюдается дивергенция мнений относительно нормативного закрепления методов вовлечения несовершеннолетних в деятельность, противоречащую действующему законодательству. Часть исследователей акцентирует внимание на императивной потребности в дефинитивном и исчерпывающем перечислении соответствующих способов.

Так, по мнению А.В. Травникова, «открытый перечень способов вовлечения дает почву для возможности безосновательного расширения действия состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ» [34, с. 196]. «Аналогичной позиции придерживаются Е.И. Третьякова и О.В. Усенко, признавая при этом сложность для законодателя в закреплении исчерпывающего перечня таких способов» [36, с. 270].

«Анализ научной литературы выявляет разнообразие подходов к определению «иных способов» вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность, авторы предлагают их различные систематизации и классификации:

- способы, связанные с убеждением (способы, связанные с обманом, уговорами или введением в заблуждения относительно противоправности и безнаказанности за совершенное преступление), и способы, связанные с принуждением (способы, охватывающие

любую форму физического или психического насилия либо угроз применение такого насилия);

- способы связанные и не связанные с применением насилия или угрозой его применения;
- «обещание» благ, помощи, выгоды, более высокого статуса в глазах сверстников; обман; угроза;
- разжигание у подростка различных низменных побуждений, таких как зависть, корысть и т.д.;
- возбуждение у несовершеннолетнего чувства злобы или мести;
- формирование стереотипов жестокости, сексуального или иного насилия; уговоры с использованием престижных амбиций, уверения в преимуществах преступного образа жизни, поручение, просьба, уговор, совет» [16, с. 66].

Анализ теоретических позиций, касающихся трактовки термина «иные способы» вовлечения (склонения), объективно требует обращения к правоприменительной практике, связанной с реализацией соответствующих положений уголовного законодательства. Особый интерес представляют случаи, в которых вовлечение в противоправную активность осуществляется через методы, не получившие прямого закрепления в диспозициях норм Уголовного кодекса Российской Федерации. Исследование обвинительных приговоров, вынесенных судебными органами, демонстрирует разнообразие формулировок, используемых при квалификации противоправных действий: «вовлечение несовершеннолетнего в совершение тяжкого преступления», «вовлечение несовершеннолетнего в преступление иным способом», «вовлечение в тяжкое преступление посредством обмана либо обещания».

Судебная практика фиксирует различные способы склонения несовершеннолетних к антиобщественным формам поведения, включая систематические уговоры, предложения употребить алкоголь, преднамеренное побуждение к употреблению спиртных напитков, а также вовлечение в попрошайничество путём целенаправленного убеждения.

Обобщение подобного рода прецедентов, дополненное исследованием иных материалов судебных дел, позволяет выявить определённую закономерность: следственные органы и суды нередко ограничиваются установлением самого факта вовлечения, не конкретизируя используемые формы или механизмы воздействия. Несмотря на это, подобное упрощение описания обстоятельств инкриминируемого деяния не расценивается в качестве основания для отмены обвинительного приговора, о чём свидетельствует устоявшаяся правоприменительная практика.

«Отдельно хотелось бы остановиться на отнесение некоторыми авторами к иным способам вовлечения – «предложения» совершить противоправные действия. Несмотря на указание в ППВС от 01.02.2011 № 1 «предложения» как иного возможного способа вовлечения в совершение преступления, в судебной практике оно признается преступным, только если подкреплялось какими-либо способами воздействия на несовершеннолетнего с целью побудить его совершить преступление. Аналогичная позиция выражена и в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, которая отменила решения нижестоящих судов в части признания преступным предложение несовершеннолетнему совершить угон транспортного средства» [31].

Следует подчеркнуть, что установление факта предложения несовершеннолетнему лицу совершить неправомерное завладение транспортным средством без корыстной цели хищения (угон), при отсутствии достаточных доказательств активных действий, направленных на побуждение несовершеннолетнего к противоправному поведению через убеждения, уговоры или другие формы воздействия, не может служить основанием для квалификации этого предложения как уголовно наказуемого деяния, что повлекло бы признание его преступным.

Признавая важность метода совершения преступления, который отечественные криминалисты рассматривают как ключевой элемент криминалистической характеристики, необходимо отметить, что для

квалификации рассматриваемых деяний важным является не только форма вовлечения (склонения), но и то, как эта форма будет установлена в процессе расследования, что влияет на её насильственный или ненасильственный характер. Это, в свою очередь, оказывает влияние на квалифицирующие признаки состава преступления, а также на вид и размер наказания [18, с. 166].

«Перечень возможных вариаций по систематизации и классификации способов преступного вовлечения несовершеннолетнего в противоправную деятельность можно продолжить, углубляясь в различные аспекты терминологии и ее толкования. Но, по нашему мнению, ключевая проблема для правоприменителя кроется не в наличии открытого или закрытого перечня возможных способов преступного вовлечения, а в сложности доказывания, что действия совершеннолетнего лица достигли своей цели – возбудили у несовершеннолетнего желание совершить противоправные действия» [21, с. 57].

Как справедливо отметили ученые: «...если типично главенствующая роль в доказывании отводится материальным следам, что абсолютно оправданно и справедливо, то выявление содержания непосредственного способа вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления осуществляется посредством изучения идеальных следов путем производства именно вербальных следственных действий...» [19, с. 326].

«При отсутствии объективного выражения, свидетельствующего о намерениях несовершеннолетнего совершить противоправные действия (подготовка, покушение, совершение противоправных действий), основой доказательственной базы виновности вовлечателя будут являться показания несовершеннолетнего о его субъективном восприятии и намерении совершить противоправные действия и факт вовлечения, который может быть выражен в любой форме, в том числе и в форме предложения, шуток о необходимости, желании совершить преступление с несовершеннолетним и т.д.» [33, с. 20]. Интересным в этой части будет решение Петродворцового районного суда Санкт-Петербурга, который оправдал подсудимого за вовлечение

несовершеннолетнего в совершение преступления из-за недоказанности возбуждения у несовершеннолетнего желания совершить кражу» [28].

На основе проведенного анализа можно сделать обоснованный вывод о нецелесообразности установления в диспозициях уголовно-правовых норм исчерпывающего перечня способов вовлечения несовершеннолетних в совершение противоправных деяний. Существующий открытый перечень, напротив, имеет ряд значимых преимуществ, позволяя учитывать все возможные формы криминального воздействия на лиц, не достигших возраста совершеннолетия. Попытка законодательного закрепления исчерпывающего перечня таких способов представляется изначально малопродуктивной, учитывая динамичное развитие информационных технологий, которые порождают новые, порой трудно предсказуемые методы манипулирования и склонения несовершеннолетних к девиантному поведению.

«Открытый перечень, напротив, предоставляет правоприменителю необходимую гибкость и возможность адаптироваться к меняющимся реалиям. Он позволяет учитывать контекст конкретного дела, возраст и психологические особенности потерпевшего, степень влияния взрослого и другие важные обстоятельства, которые могут свидетельствовать о вовлечении, даже если деяние не подпадает под узкое толкование конкретного способа. При этом необходимо подчеркнуть, что открытый перечень не должен быть истолкован как предоставление органам предварительного расследования неограниченной свободы действий, о чем свидетельствуют имеющиеся отдельные оправдательные решения судов» [30, с. 330].

В 2017 году законодателем был принят Федеральный закон № 120-ФЗ от 7 июня 2017 года, внесший изменения в статью 110 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а также дополнивший структуру уголовного закона тремя новыми составами преступлений, предусмотренными статьями 110.1, 110.2 и 151.2 УК РФ. Данные изменения представляются обоснованными с учетом сложившейся криминогенной обстановки. Статистические данные свидетельствуют о том, что в возрастной

группе 15-18 лет наблюдается высокая частота суицидальных попыток, занимающая второе место по общей статистике самоубийств. При этом, анализ гендерных показателей указывает на преобладание среди лиц, совершивших самоубийство, представителей мужского пола.

Введение ст. 151.2 УК РФ вызывало вопросы, как она будет соотноситься с иными статьями УК РФ. «Анализ научных источников показал, что первое отличие видится в основном непосредственном объекте. В преступном деянии, предусмотренном ст. 151.2 УК РФ, им являются общественные отношения, связанные с обеспечением нормального физического развития и нравственного воспитания несовершеннолетнего. В ст. 151.2 УК РФ дополнительный объект – общественные отношения, направленные на защиту жизни и здоровья несовершеннолетнего» [22, с. 100].

Ст. 151.2 УК РФ имеет две формы «вовлечения несовершеннолетних»: склонение и иное вовлечение, перечень способов реализации данных форм «вовлечения» открытый. К ним относятся: уговоры; предложения; обещания; обманы; угрозы; иные способы.

«Для признания угроз в качестве способа «вовлечения несовершеннолетнего» в рамках ст. 151.2 УК РФ не имеет значения ни количество, ни продолжительность их применения в отношении потерпевших» [1, с. 11].

Таким образом, диспозиция статьи 151.2 Уголовного кодекса Российской Федерации охватывает случаи вовлечения несовершеннолетних в деяния, которые, не обладая квалифицирующими признаками преступления или антиобщественного поведения, а также не содержащие элементов склонения к суициду, тем не менее, носят противоправный характер и объективно создают угрозу жизни и здоровью указанной категории лиц. К числу таких деяний могут быть отнесены, в частности, зацепинг, диггерство, руфинг, трейнсерфинг, а также иные виды опасных игр, например, «русская рулетка», «беги или умри», «исчезновение на 24 часа», и другие аналогичные

действия, сопряженные с повышенным риском для жизни и здоровья несовершеннолетних.

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 151.2 УК, характеризуется наличием исключительно прямого умысла со стороны виновного лица. При этом лицо осознает общественно опасный характер своих действий по вовлечению несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, и желает этого. О наличии прямого умысла свидетельствует характер целенаправленного воздействия на потерпевшего.

Субъектом данного деяния выступает физическое вменяемое лицо, достигшее 18-летнего возраста.

Умысел виновного при вовлечении в совершение опасных для жизни действий – на реализацию иных действий, не связанных с суицидом, то есть самостоятельным лишением жизни.

Заключение

Вовлечение лиц, не достигших совершеннолетия, в противоправную деятельность представляет собой острую социально-правовую проблему, требующую пристального внимания со стороны компетентных органов и общества. Данная проблема обусловлена спецификой подросткового возраста, который характеризуется повышенной уязвимостью к негативному влиянию внешней среды и активным стремлением к социальной идентификации. Вследствие этого, криминогенная среда оказывает деструктивное воздействие на формирование личности несовершеннолетнего, обуславливая долгосрочные негативные последствия как для субъекта криминализации, так и для общества в целом. В контексте проводимой государственной уголовной политики, ориентированной на охрану прав и законных интересов семьи и лиц, не достигших совершеннолетия, параллельно с мероприятиями по борьбе с преступностью, в том числе путем непрерывного обновления уголовно-правовой базы, наблюдается устойчивая актуальность вопроса причастности несовершеннолетних к противоправным и асоциальным формам поведения. Данное обстоятельство обуславливает необходимость проведения дальнейших углубленных исследований и разработки эффективных превентивных мер, направленных на снижение уровня вовлеченности несовершеннолетних в деструктивную деятельность.

В современной России статья 151 Уголовного кодекса Российской Федерации «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий» является ключевым элементом системы защиты несовершеннолетних от негативного влияния взрослых. Данная статья предусматривает уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, в занятие бродяжничеством или попрошайничеством.

Современное состояние законодательства характеризуется рядом особенностей. Во-первых, статья 151 УК РФ акцентирует внимание не только на вовлечении в преступную деятельность, но и на вовлечении в антиобщественные действия, которые, хотя и не являются преступлениями, оказывают негативное влияние на развитие несовершеннолетнего и формирование его личности. Во-вторых, законодательство предусматривает дифференцированный подход к ответственности в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния, а также от роли взрослого в совершении антиобщественных действий несовершеннолетним. В-третьих, важным элементом является профилактическая работа, направленная на выявление и устранение причин и условий, способствующих вовлечению несовершеннолетних в антиобщественные действия.

Объективная сторона ст. 151 УК РФ заключается в выполнении именно активных действий, направленных на возникновение потребности и желания у потерпевшего участвовать в антиобщественных действиях, указанных в ст. 151 УК РФ.

При анализе степени общественной опасности данного деяния представляется необходимым подчеркнуть, что непосредственным объектом преступного посягательства выступают фундаментальные основы развития личности, не достигшей совершеннолетия, включая сферы духовного, нравственного и физического становления.

Субъект преступления – только физическое вменяемое лицо, достигшее 18-летнего возраста. Однако в теории уголовного права высказываются мнения о том, что не всегда целесообразно привлечение лица, достигшего 18-летнего возраста, к ответственности по ст. 150 и ст. 151 УК РФ, при условии, что вовлекающий старше вовлеченного им несовершеннолетнего всего на несколько месяцев.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного статьей 151.2 УК РФ, характеризуется прямым умыслом. Это означает, что лицо, совершающее данное преступление, осознает общественную опасность своих

действий, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий и желает наступления этих последствий. Анализ признаков преступления, предусмотренного статьей 151 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также правоприменительной практики, выявил несколько трудностей, связанных с квалификацией этого деяния. В целях их разрешения были предложены возможные подходы.

При исследовании вопроса о минимальном возрасте субъекта, который может быть вовлечен в противоправную деятельность, следует исходить из критерия общественной опасности соответствующего деяния. Важно учитывать как степень общественной угрозы действиям, связанным с вовлечением несовершеннолетнего в антиобщественные поступки, так и уровень осознания самим несовершеннолетним характера совершаемых в отношении него действий. В связи с этим признание лиц, не достигших годовалого возраста, потерпевшими в контексте таких правонарушений, как бродяжничество или попрошайничество, представляется нецелесообразным. Что касается квалификации действий взрослого субъекта правонарушения, то ключевым фактором является не только формальный количественный признак, такой как многократное совместное употребление алкоголя с одним и тем же несовершеннолетним.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Александрова О.П. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений, антиобщественных и опасных для жизни действий // Вопросы ювенальной юстиции. 2025. № 2. С. 10-13.
2. Головкин М.О. Общая Уголовно-правовая характеристика вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики: сборник статей заочной научно-практической конференции, Астрахань, с 01 января по 31 2023 года. Астрахань: Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева. 2023. С. 32-34.
3. Даутова Ю.А. Исторический аспект вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий // Студенческий вестник. 2022. № 12-2 (204). С. 59-61.
4. Душкин А.С. Индивидуально-психологические ресурсы личности несовершеннолетних в профилактике их вовлечения в совершение антиобщественных действий // Прикладная юридическая психология. 2021. № 1(54). С. 33-40.
5. Дьяченко Н.А. Вовлечение в совершение противоправных или антиобщественных действий: теоретические аспекты // Молодой ученый. 2024. № 2 (501). С. 184-186.
6. Жоков Д.В. Особенности уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в антиобщественные действия с использованием современных информационных технологий // Сибирский антропологический журнал. 2023. Т. 7. № 1. С. 139-147.
7. Зеленковская Н.А. Проблемы квалификации вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий // Юриспруденция XXI века: позиции закона, доктрины и практики: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск,

01 марта 2023 года. Иркутск : Центр научно-информационных технологий «Астерион». 2023. С. 47-54.

8. Канубриков В.А., Османов В.А. Проблемы квалификации вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий // Образование и право. 2022. № 1. С. 190-192.

9. Коваленко П.В. Убеждение и принуждение как способы вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Уголовный закон РФ: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск. 2021. С. 61–63.

10. Коломойцева М.В. О некоторых вопросах преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Интернаука. 2025. № 7-3 (371). С. 15-17.

11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // «Российская газета». № 256. 31.12.2001.

12. Красовская О.Ю. Особенности уголовной политики в сфере охраны семьи и несовершеннолетних // Интернаука. 2025. № 18-6 (382). С. 55-57.

13. Крюкова А.П. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего // Юриспруденция XXI века: // Юриспруденция XXI века: позиции закона, доктрины и практики: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск. 2023. С. 55-63.

14. Кувакина А.А. Вовлечение несовершеннолетних в противоправное проведение: опасности Интернет-пространства // Теория и практика психологической работы и профессионального обучения психологов силовых структур: Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 21 ноября 2024 года. Москва : Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя. 2025. С. 152-154.

15. Кулешов М.С. Особенности квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий //

Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5-3 (68). С. 88-91.

16. Кучеров А.А. Развитие российского законодательства в области уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий // Актуальные проблемы юридической ответственности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции для магистрантов. Сборник статей, Краснодар, 05 февраля 2022 года. Краснодар : ООО «Издательский Дом-Юг». 2023. С. 65-68.

17. Латыпова Д.М. Уголовно-правовые аспекты вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений экстремистской направленности // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 3. С. 41-46.

18. Майстренко Г.А. Уголовно-правовая характеристика и особенности квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 1. С. 166-172.

19. Малафеева А.И. О признаке систематичности как ключевом элементе вовлечения несовершеннолетнего в совершении антиобщественных действий // Пермский период: Сборник материалов XI Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов образовательных организаций, посвященного 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, Пермь, 20–24 мая 2024 года. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 325-327.

20. Морокова Т.В. Вовлечение несовершеннолетних в преступную среду и антиобщественные действия // Молодой ученый. 2023. № 18 (465). С. 345-347.

21. Мингалимова М.Ф., Багаутдинов Ш.Ф. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений // Российская юстиция. 2023. № 5. С. 57-65.

22. Минатуллаев А.Ш. Причины вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественных действий // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 2 (141). С. 100-105.

23. Медведева Д.Д. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления или иную антиобщественную деятельность в сети Интернет: основные угрозы и группы риска // Вестник экономики, управления и права. 2025. Т. 18. № 1. С. 69-74.

24. Мусеилов А.Г. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий: особенности правового регулирования и квалификации // Российский следователь. 2022. № 7. С. 56-60.

25. Никитин И.А. Уголовно-правовая характеристика вовлечения несовершеннолетних в преступление, как предпосылки формирования преступности несовершеннолетних // Перспективы формирования конкурентоспособной научной модели Российской Федерации: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Калуга, 13 марта 2025 года. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна». 2025. С. 55-57.

26. Позднякова Е.В. Вовлечение несовершеннолетних в участие в несанкционированных публичных мероприятиях: административно-правовой аспект // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 2. С. 234-237.

27. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 28 октября 2021 г.) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

28. Приговор Петродворцового районного суда Санкт-Петербурга от 21.03.2021г. [Электронный ресурс] // URL: <https://pvd.sudrf.ru> (дата обращения: 07.04.2025).

29. Приговор Кировского районного суда г. Самары от 15.06.2022 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://kirovsky.sam.sud.ru> (дата обращения: 07.04.2025).

30. Проскурина Е.А. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий: проблемы квалификации // Право, общество, государство: история, современные тенденции и перспективы развития: Материалы IV всероссийской с международным участием научно-практической конференции студентов и магистров, Липецк, 30 ноября 2023 года. Воронеж: Автономная некоммерческая организация по оказанию издательских и полиграфических услуг «Наука-Юнипресс». 2024. С. 329-332.

31. Рарог А.И. Об обязательности разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 5. С. 104-112.

32. Сводный отчет формы федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС) [Электронный ресурс] // URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 12.08.2025).

33. Татимов А.М. Квалификация преступления, связанного с вовлечением несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, по объективным признакам // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 20-24.

34. Травников А.В. Актуальные проблемы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. Т. 27. № 3 (82). С. 194-199

35. Травников А.В. Вовлечение как конститутивный признак объективной стороны: понятие и классификация // Российский следователь. 2021. № 8. С. 51-56.

36. Третьякова Е.И. Усенко О.В. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: проблемы расследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 2 (109). С. 265-275.

37. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. ст. 2954.

38. Федеральный закон от 27.12.2018 № 557-ФЗ «О внесении изменения в статью 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. № 295. 29.12.2018.

39. Фролова Е.А. Вовлечение несовершеннолетних в преступную среду и антиобщественные действия // Актуальные вопросы юридической науки, права и правосудия: материалы Всероссийской межвузовской студенческой научно-практической конференции, Нижний Новгород, 23 апреля 2023 года. Нижний Новгород. 2023. С. 468-471.

40. Хакимов У.З. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий // Аллея науки. 2023. Т. 2. № 12 (87). С. 654-658.

41. Харламова Д.А., Ерофеева М.А. К вопросу о деструктивном влиянии сети Интернет на несовершеннолетних // Современные исследования проблем семьи и детства: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 24 ноября 2021 г. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. 2021. С. 330-335.

42. Яковенко И.А. Анализ объекта по вовлечению несовершеннолетних в совершение преступления в сфере экономики и антиобщественных действий // Sciences of Europe. 2021. № 80-2 (80). С. 31-34.